

Александр Рохлин

Дары и стекляшки

История одной поездки на Афон

В одном из монастырей Афона, а именно в монастыре святого Павла, хранятся дары волхвов — золото, ладан и смирна, которые восточные мудрецы принесли родившемуся в Вифлееме Христу.

Моя журналистская задача была увидеть дары. Как минимум. Максимум — объяснить смысл их присутствия в нашей жизни. А дальше как Бог даст... Сами понимаете, для такой миссии абы кого из даровитых не пошлют. Даровитый засомневается в самый неподходящий момент и запретит все дело. Здесь требовался человек, который не спасует, не дрогнет, когда сомнения полезут, как змеи из-под лошадиного черепа. А в том, что они полезут, сомнений не возникало.

Да, еще... Требовалось мне найти на Афоне Героя. Человека, наделенного особыми дарами... Я его в Москве разыскал через знакомых. Монаха-математика на Афоне. И договорился о встрече. Только вот точного адреса я не спросил. Где-то в окрестностях афонского порта Дафни...

* * *

На пароме из Уранополиса со мной ехал парнишка, типичный битюг по имени Вова, в фиолетовых спортивных штанах с белыми лампасами. Держался он немного наглова-то. Совсем не как прочие пассажиры. Мы разговорились, и битюг признался, что ярко-фиолетовые штаны — это протест... Поскольку ему глубоко фиолетово на все наше православие, Бога и попов вместе взятых. И едет он на Святой Афон только «за ради мамки с сеструхой». Те уламывали его целый год, и уломали... привезти из монастыря Ватопед два пояска, освященных на Поясе Пресвятой Богородицы. Помощь от специфических женских болезней. Поскольку женщинам вход на Афон запрещен, то пояски выдаются мужчинам только первого круга родства. Отцам, мужьям и братьям. Ни первых, ни вторых в семье битюга не имелось. Имелся только он. Обработанный женской любовью, хитростью и угрозами, битюг Вова отправился из села Волоконовка Белгородской губернии в удел Пресвятой Богородицы. Ему очень не хотелось терять время даром, то есть «зависать» на службах, молебнах и прочей «ерунде», и он спрашивал меня, как избе- ➤

жать этого. Я сказал: не в пионерский лагерь едем, никто не заставляет поклоняться.

— Слава Богу! — искренне заметил Вова и даже перекрестился с облегчением.

Следующие сутки мы прожили вместе, в одной келье паломнической гостиницы русского Свято-Пантелеимонова монастыря. Я ходил на службы. А битюг валялся в келье, слушал музыку в наушниках и сходил с ума от скуки. В монастыре кормили дважды в день и весьма скудно, по сравнению с домашними обедами у мамы в Волоконовке. Но у парня с собой было... сало. Он подготовился к испытаниям. А хлеба я ему приносил из трапезной. Короче, кое-как он продержался. Ночью противно и жутко выли шакалы. словно сотня кошек на живодерне... На следующий день, после обеда, мы также вместе вышли из монастыря и отправились по дороге на Дафни. Дафни — это главный порт Афона. И второй по величине административный центр. Можно было, конечно, доплыть и на регулярном пароме, но это было неинтересно. Хотелось приключений. На Афоне надо быть осторожным с собственными желаниями. Они исполняются.

Буквально через несколько минут, когда мы шли по лесистой тропе, нас обогнал молодцеватый паломник с двумя палками для шведской ходьбы. Он улыбнулся нам на ходу и поздоровался кивком головы. Скорее всего, иностранец.

— А этим-то чего здесь нужно? — удивился Вова. Его специфическая религиозность была задета — басурманец одним своим появлением представлял угрозу целостности канонической территории.

— Вова! — назидательно ответил я. — Думающие люди Бога ищут, а не думающие...

Я не успел закончить. Потому, что в лесу раздался истошный крик:

— Хэлп! Хэлп ми!

Мы бросились вперед и буквально через минуту выскочили на небольшую открытую полянку. Впереди протекал ручей, через который был перекинут маленький мостик. А сразу за ним росла дряхлая олива. Так вот, на этой оливе сидел наш «басурманец», поджав ноги. А его шведские палки валялись на земле. Больше никого не было.

— Что случилось? — поинтересовались мы.

Иностранец опомнился не сразу. Он осторожно спустился на землю. Огляделся вокруг с недоверием и только затем произнес:

— Джакл! Три оф зем... Вышли на меня из лесу и стоят смотрят.

— Кто? — переспросил Вова

— Шакалы, — ответил я. — Слышал, как они ночью выли за монастырем?

— Слышал, но не понял... — честно признался Вова.

— Я бросился на дерево, — продолжил иностранец. — Но они не уходили, сидели и смотрели на меня снизу. И тогда я закричал. Они услышали ваши шаги и смылись...

— Молодец! — похвалил иностранца Вова. — Будешь знать, как по нашим дорогам шастать!

Спасенный оказался немцем. И на Афон его привел книжный интерес к жизни греческих отшельников-старцев. Мы пошли втроем, но недолго. Поднялись на проселочную дорогу, прямо к автобусной остановке — резной дере-

вянной будке — и расстались. Вова с Херцегом (так представился спасенный немец) решили ждать попутку, идущую вглубь полуострова, к столице Афона городу Карее, а за ним к Ватопеду.

* * *

А я пошел по дороге к монастырю, что стоял напротив примерно в километре. Монастырь этот назывался Ксиропотам. Я уже говорил, что мой будущий герой, монах-математик, не дал мне точного адреса жительства, только общий ориентир: «рядом с Дафни». Почему-то мне показалось этого достаточно. Ошибка повлекла за собой череду злослучений. Еще одну оплошность я сделал сознательно: решил сэкономить пятнадцать евро и не покупать греческую симкарточку. Тем самым лишил себя связи. Поэтому мне требовалось проверить, а вдруг в Ксиропотаме мой герой спасает свою душу.

Погода стояла замечательная. Ноябрьское греческое солнце скатывалось в море, но грело как наше апрельское. По небу гуляли легкомысленные тучи без подвоха. Я нашел ворота монастыря открытыми. А затем... я нашел и все помещения обители, основанной греческой императрицей Пульхерией в 970 году, открытыми и... пустыми. То есть я попал на тысячу лет назад, в настоящее Средневековье с запахом сырости и цветов, в замок с огромными стенами, башнями, каменными и деревянными балконами, галереями, анфиладами, одиннадцатью церквями, каменной мостовой, каменными скамейками, фонтанами, колодцами и все

это было... открыто и пусто. Ни одной души. Я встал посредине площади и в немом изумлении смотрел на монашеский город, который смахивал на «Летучего голландца». В жизни не забуду той минуты абсолютного безвременья и своего личного одиночества в глубине веков. Кто знает, что бы со мной было дальше и не поехала ли бы у меня «крыша» от такого погружения, если бы в этот момент не скрипнула дверь в стене и на площади не показался... мальчик лет тринадцати в замшевой курточке с капюшоном. Он очень удивился и что-то сказал на греческом. Я покачал головой. Тогда он сказал несколько слов на языке, который показался мне отдаленно знакомым.

— Не понимаю... — сказал я. — Может быть, по-английски?

— Понимаю русский, — заулыбался мальчик. — Я — грузин. Идемте за мной.

Мальчишка проводил меня в архондарик — приемную комнату для гостей, усадил на лавку под иконой Сорока севастиийских мучеников, и через минуту вынес на подносе кофе, воду, лукун и рюмку греческой водки узо.

— А куда все делись? — спросил я, поглядывая на рюмку.

— Все спят, — просто ответил мальчик. — Сегодня же воскресенье. Ночью было бдение, монахи всю ночь молились, а теперь спят. Как младенцы...

— А я уже решил, что все ушли на небо.

— По воскресеньям монастырь не принимает паломников. Это я забыл запереть калитку.

— Я ищу монаха по имени Николай, он передвигается в инвалидной коляске.

— Да, есть такой, — ответил мальчик.
Но я не успел обрадоваться. Здешний инок Николай оказался родом из Трансильвании, а мой был из-под Пскова...
После кофе с лукумом и узо мне следовало покинуть Ксиропотам несолоно хлебавши...

* * *

Часы на здании полицейского участка в порту Дафни показывали 17:00 по греческому времени. Все автобусы разъехались. Все паромы и корабли ушли. До утра не ожидалось ни одного рейса. По пристани слонялись несколько собак и кошек. А у самой воды сидел бородатый тип в свитере и смотрел на закат. Видно, тосковал.

Я прошел в чайную. Я был уверен, что обрету Интернет и выясню, где искать моего героя. Однако услугу беспроводной связи чайная не оказывала. Попросить позвонить с греческого телефона я стеснялся. Дело пахло керосином. В том смысле, что без адреса идти мне было некуда. Гостиницы в Дафни не имелось. А в монастырь меня бы и не приняли. Я понял, что ночевать мне придется где-то здесь, под открытым небом. Я попросил кофе и выпил его, разглядывая в окно море и кошек на пирсе. А затем, подумав и решив, что отступать некуда, а Бог на Афоне, как нигде, милостив, попро-

сил себе вина и пирога с сыром. Хозяин чайной как-то странно на меня посмотрел, но принес вино и пирог. А потом сказал:

— Вон тот тип, на берегу, точно так же начинал. Попросил кофе, а потом вина с пирогом... Три раза подряд.

— И что? — не понял я.

— А теперь он уже неделю пьет с нашими таможенниками и никуда не уходит.

— Почему вы мне об этом говорите?

— Потому что это русский священник. Он приехал в Дафни в рясе, а теперь сидит на камне, в одном свитере, шестой или седьмой день. И никуда не уезжает. Что-то здесь не так!

Очевидно, что... не так. Но именно так я познакомился с отцом Михаилом, клириком Покровского собора одного весьма уважаемого уральского города. Настоящие имена ни того, ни другого я, конечно, не могу указать.

Отец Михаил приходил сидеть на камне дафнийского порта седьмой день подряд, поскольку в той стороне, куда он смотрел, еще оставались следы его осмысленного существования. Но с каждым вечером они таяли, как туман над Эгейским морем. Он приехал на Афон впервые с самими благими намерениями. Но в первый же день бес попутал его бесповоротно. Греческие таможенники слишком радушно приняли его в гости. Им было скучно, а отцу Михаилу

грустно.... Он так и не увидел ни одной афонской святыни.

Я сел к нему на камень. Отче признался, что если бы не жена, золотая матушка Ульяна, Ульяна Андреевна, горел бы он уже давно в адском пламени для вероотступников. Не было у отца Михаила сил противостоять бесовским козням. А у матушки Ульяны были силы, и от того тащила она на себе и дом, и четверых детей, и весь приход своего мужа. Поскольку любила последнего до беспамьтства и самозабвения. Когда горе-паломник говорил о жене, то начинал плакать и ужасаться себе, подлецу и негодю. Я же заочно кланялся в ножки той уральской женщине, что не сгибалась от беды...

За всеми этими подробностями мы с отцом Михаилом проводили солнце в воду и остались в сумерках, довольно прохладных, надо сказать.

— Где ночевать-то будем? — спросил я с некоторым волнением.

— Пойдем ко мне, — просто сказал батюшка, словно Дафни был его личным приходом.

Весь город-порт можно пройти за четыре с половиной минуты. На самом краю, у дороги к монастырю Симонопетра стоит заброшенная церковь. Как это здесь часто встречается, к храму в несколько этажей пристроены кельи. Но сейчас они пустовали. А двери-то не запирались. И вот в одной из комнат, на третьем этаже расположился мой горе-батюшка. Здесь лежал матрац и стоял один единственный стул. А в углу тускло светился новенький пластиковый чемодан. Я устроился на полу, в собственном спальнике. В открытую дверь было видно море, а над ним закат. Он растекался по небу от края до края, и неизвестно откуда взявшаяся серая туча плющила его, словно прессом. И сжимала к горизонту.

Мой сокелейник оказался прекрасным собеседником и тем еще богословом. Мы проговорили до глубокой ночи, до появления лунной дороги в море. Мало было отцу Михаилу пьянства, когда он трезвел, то... сомневался. А в то ли мы веруем? В того ли?

— Ты говоришь, дары волхвов... — говорил он. — Но ведь, дурацкая же история, то ли басня, то ли... сказочка на ночь. Не выдерживает современной критики, не выдерживает испытания временем! А самое обидное — что никто из нынешних служителей Церкви не пытается объяснить. Наверное, боятся, что кишка тонка, что засмеют... И суют, как болванчикам, под нос какой-то фантик: верьте, братья и сестры, целуйте, лбы об иконы бейте, и ни-ни... ни о чем не спрашивайте.

— Почему же фантик? — осторожно спрашивал я.

— Да элементарно, — отвечал клирик. — Давай отбросим условности... поп и мирянин, Афон не Афон... просто поговорим как люди двадцать первого века.

— Давай... те...

— Что мы знаем про историю с дарами? Какие-то мудрецы, неизвестно откуда, идут за звездой и приходят к Вифлеему. Можно согласиться? Можно. Звездочеты подсчитали и пошли... Принесли к младенцу золото, ладан и смирну. Поклонились... Можно понять? Можно. Каждый

волен выбрать себе божество... Я специально так говорю, принижая, чтобы душок этот слезливый, елейный убрать. А дальше что? Нам говорят, что Богородица сохранила все эти дары в неприкосновенности. Вот тут меня жаба сразу кусает! Как это возможно? Никак невозможно, при их кочевой жизни. Она про Сына-то своего не все понимала. Об этом в Евангелии говорится. Сложно ей было верить без оглядки, без тени сомнения. А вдруг и про встречу с архангелом Гавриилом она думала, а не приснилось ли? Не почудилось ли? А тут какой-то ладан и смирна... Все должно было потеряться, исчезнуть, сгореть, истлеть. Мы же люди! Мы не можем жить, не сомневаясь. Этот червяк всегда найдет путь к сердцу...

Я слушал молча, не перебивая. За подобные речи отца Михаила можно было бы на костре сжигать. Но я ему в судьи не набивался.

— А дальше что? — продолжал он. — Приходится принять на веру, что дары чудом уцелели и «прожили» и после Успения Марии, сначала лет триста в Иерусалиме. А потом еще тысячу лет то в Никее, то в Константинопольской Софии. Ни в какие ворота! И все опять, на арапа... Никаких свидетельств. Никто не видел даров сотнями лет... А потом пришли турки. И вдова султана, Мариша, сербка по национальности, отдает их на Афон в сербский монастырь святого Павла. С тех пор считается, что они там. Они, или то, что мы называем дарами волхвов. Несколько золотых пластинок и несколько слипшихся, окаменевших косточек из ладана и смирны.

— Я завтра к ним иду, — сказала я.

реклама

АРИЕС
Производство куполов
Фальцевая кровля

- Купола, кресты, шары, подзоры, барабаны
- Продажа металла с нитрид-титановым покрытием: лист 1x2 м. Цвета: «под свежую медь», «под золото», «синий», «изумруд»

+7 (903) 886-47-10, +7 (961) 166-66-77
г. Белгород, сайт: aries.pf.alex61@mail.ru, aries31@inbox.ru

— Молодец. Благословение получил, значит, не сомневайся... И кстати, кто благословил тебя вступать в общение с еретиками из Константинополя!?!

— Не ерничайте, отец Михаил.

— Я не ерничаю. Горько мне... А выпить-то нечего... Кто-то говорит, что с Богом жить легко. Вранье все это. С Богом очень трудно жить, невыносимо трудно. Потому что не состыкуется ничего. Никакой логики, одни противоречия. А я ведь не всегда только пьянствую и панихидки служу...

— Надо же... А что еще?

— Я Бога прошу... прошу ответить, почему так, а не эдак? Одно, другое, сто пятидесятое...

— И что Бог?

— Молчит.

И мы замолчали. Небо давно погасло. И тьма упала по-южному жуткая и непроницаемая, как угольный пласт в шахте. Вот уж стало тоскливо...

— А может быть, Его молчание считать ответом? — вслух подумал я.

Но отец Михаил ничего не сказал. Притворился, что спит...

И показалась луна.

Утром я растолкал сокелейника и сообщил ему строгим голосом, что он сегодня под моим присмотром отправляется на пароме в Уранополис, а дальше в Салоники, на самолет и домой. И если, не дай Бог, он решит еще где-нибудь потеряться, я знаю адрес его прихода, позвоню матушке Ульяне, и она поднимет на уши Уральский военный округ и никакое НАТО ее не оставит...

— Это правда, — согласился он. — Но я уже сам собирался съезжать с этого курорта. Отпуск кончился...

Мы собрали вещи и спустились к пристани. Через час отец Михаил покинул Дафни.

* * *

Следующий закат солнца я встречал в раю.

Скит св. Иосифа спрятан от посторонних глаз. На крутом склоне горы, заросшей лесом и непроходимым кустарником, есть несколько каменных домиков и террас. С дороги ничего не видно. Скит тонет в зелени, а окна монашеских келий смотрят на море. Свет играет в листве, безостановочно и бесшумно, как музыка, не слышная уху.

— Жизнь в этом раю могут вынести единицы... — тихо говорит инок Николай. В миру Валерий Михайлович Волоков, выпускник мехмата МГУ.

— Знаете, что нужно сделать человеку, чтобы познать себя?

— Что?

— Ничего не делать. Ровным счетом ничего. Сидеть в комнате и все. Только одно условие — не спать... Очень скоро человек увидит всю правду о себе.

— Что там... пустота? — спрашиваю я с ноющим сердцем то ли от страха, то ли от радости.

Молчит инок Николай. Знает, конечно, но разглаговльствовать не с руки. Такие вещи сложно объяснять незнакомому человеку, свалившемуся

на тебя из Москвы, требующего умных слов об афонских дарах.

Тринадцать лет он живет на Афоне. Тринадцать лет смотрит на море сквозь играющую на солнце листву. Не может насмотреться. Но он знает цену райской жизни, а я смутно-смутно догадываюсь. Узнать всю правду о себе и рискнуть шагнуть в пустоту своего «я». Взять с собой в эту пустоту лишь одно Имя, которое и меч, и щит, и лодка в буре, и берег смерти. Приключение не для слабаков... Впрочем, я рассуждаю словами из прочитанных книг. А инок Николай молчит. Разница между нами — как пропасть.

— Знаете, сколько людей пробовало здешнюю жизнь на вкус? — снова говорит он и кивает головой на соседнюю дверь.

Келья за ней пуста. Кажется, приезжай, живи, смотри на море, учишь молиться. Никто же не прогонит. И все афонские дары прольются на тебя золотым солнечным дождем. Николай показывает на несколько аккуратных горок из камней, что тянутся вдоль дорожки.

— Вот, они приезжали, пробовали...

— И превратились в камни!? — шепчу я внешне севшим голосом.

А Николай смеется.

— Нет. Я начал собирать камни после каждого, кто... не остался.

Райскую жизнь не вынес никто. Я подсчитал, пять горочек по четыре-пять камней.

— Но почему?

— Мысленная брань.

Каждый день и каждую ночь твой собственный падший дух, тот, кто живет в твоей личной пустыне, твой настоящий хозяин, приходит поиграться с тобой. Он дергает тебя за ниточки, как куклу. И ты или пляшешь, как велит тебе хозяин, или борешься. С собственными мыслями. Каменные горки — результат борьбы...

И они же главные афонские дары.

* * *

Надоело! Домой! Туда, где холодно, дождь и слякоть, где мыши скребутся под полом и зима не приходит, застряв на Таймыре. Увижу эти дары или что там от них осталось... и домой. Хоть пешком, хоть на зубах...

Всех паломников с катера загрузили в автобус, а вещи в грузовичок и подняли на гору, к воротам агиа Павла. Мы вошли в архондарик и сели на стульчики. Всем принесли кофе и лукум, узо и воду. Я выпил глоток воды. Монах записывал имена в толстую амбарную книгу и разводил паломников по комнатам.

— А вы что же? — спросил он меня. — Вас нет в списке.

— Мне бы только дары увидеть. — сказал я по-русски, потому что напрочь забыл, как «дары» по-гречески и английски.

— Отец Арсений! — крикнул архондаричный. — Отведи его к дарам, пожалуйста.

Высокий тощий монах опрометью бежал по лестнице вниз. Я за ним, по крытой галерее, к маленькой неприметной двери, в полуметный притвор храма. Со стены на меня смотрели неизвестные святые, кто печально, кто грозно,

кто с мольбой, кто со страхом. Я никого из них не узнавал. Я почти бежал, боялся потерять монаха из виду. И конечно, потерял. Он юркнул за огромный расшитый занавес, свисавший с потолка до пола. А я остался один, в окружении черных кресел-стасидий, зиявших, словно пасти сказочных животных. Вдруг от стены отделилась тень и, придвинувшись ко мне вплотную, произнесла тихо, по-гречески: иди-иди... И маленькая белая ладонь указала на занавес. Я шагнул внутрь и очутился у южной двери в алтарь. И в ту же секунду дверь открылась и вышел мой проводник, неся под мышкой небольшой серебряный ящичек. Крышка у ящичка прилегалла неплотно, один уголок задирался вверх. Монах даже шлепнул по ней ладонью, чтобы она легла на свое место, а потом подковырнул ее ногтем и открыл... Под стеклом что-то тускло блеснуло. И я все вспомнил... В моем детстве Бог приходил к нам в секретиках. В игре, когда мы закапывали осенью, под деревом, донышко бутылки, а под него засовывали что-нибудь яркое, конфетную фольгу или цветок. А потом весной находили эти секреты, свои и чужие. И это было как чудо, как встреча... Секрет пролежал в земле всю зиму, тысячу лет и, очищенный от грязи, светился, словно чей-то глаз из земли. И тогда мы кричали: «Нашел! Нашел!..» Это и был Бог, не узнанный тогда... Три золотые пластиночки и несколько черных косточек — вот и все дары волхвов. Чепуха! И... драгоценность в Его глазах. Волхвы первыми придумали ту самую игру: идти на край земли — отдать сокровища Богу. То есть спрятать их в пещере, в яслях, между ослом и волком. Чтобы всякий, кто помнил правила, я в их числе, смогли найти их здесь. Спустя тьму тысяч лет. И воскликнуть: «Бог ты мой! Бог, Ты — мой!»

Богу от нас ничего не нужно. Но он почему-то готов принять от нас любую чепуху как самый драгоценный подарок. Лишь бы в этой чепухе присутствовало одно — искренность. Неумелое признание в любви...

Я наклонился и поцеловал секрет. И сердце в этот момент готово было выпрыгнуть на каменный пол. Уже не от страха, а от радости.

P. S. Кстати! Я же встретил Вову-битюга в Уранополисе. Он блестяще справился с материнским заданием. Взял целых три пояска вместо двух. А вдруг будущей жене понадобится? — рассудил Вова. А еще он умудрился попасть к отцу Янису, живому афонскому старцу. И старец понравился Вове.

— Добрый старикашка, — говорил Вова. — Что обнял меня, яблоко дал... Но сказал какую-то глупость.

— Вова, ты в своем уме? Он же будущее твое видит... Что сказал отец Янис?

— Чтобы я шел туалеты чистить...

— Быть тебе монахом, Вова...

И мы отправились пить пиво с жареным осьминогом. ♣.

Впервые опубликовано
в журнале «Русский Пионер»
Рисунки Наталии Кондратовой

